

Когда Е Мянью услышал эти слова от Баонянь, он немало удивился. Его отец, хоть и был уже в летах, оставался самым видным мужчиной среди почтенных старцев — иначе у него просто не мог бы родиться такой сын, как господин Дуаньхуа. В повседневной жизни он любил напускать на себя утонченность: писал каллиграфию, слагал стихи, чем ловко пускал пыль в глаза. Служанки в поместье Е, у которых рождались двусмысленные мыслишки, не смели заглядываться на старшего брата, а потому изо всех сил пытались очаровать отца. Но Инун оказалась девушкой с характером. Да и вкус у нее отменный: этот старый ворчун и впрямь невыносим.

Теперь Инун сменила Баосюэ и вела счета во дворе Е Мянью. С улыбкой она напомнила ему:

— Четвертый молодой господин, вторая молодая мисс выходит замуж через два дня. Хотя вы уже заказали для нее в подарок несколько отличных ювелирных гарнитуров, по правилам братья также должны поднести «деньги на дно сундука». Сколько выделит наш двор Баофэн? Мне нужно знать заранее, чтобы успеть обменять серебро.

— Ах, точно! — Е Мянью хлопнул себя по лбу. — Если бы ты не напомнила, я бы совсем забыл.

— Ничего страшного, в бухгалтерии обменяют быстро, — улыбнулась Инун. — Четвертый молодой господин, хотите, я узнаю, сколько дали другие дворы? Чтобы вам было на что ориентироваться.

— Не нужно, — Е Мянью промокнул рот шелковым платком и распорядился: — Ступай и обменяй восемьсот лянов ей в подарок.

Инун и стоящие рядом служанки так и замерли от неожиданности.

Опомнившись через мгновение, Инун осторожно заметила:

— Восемьсот лянов — это немалая сумма... — Она огляделась по сторонам и понизила голос: — Не считая усадеб, лавок и пашен, госпожа выделила второй молодой мисс всего две тысячи лянов на приданое.

— Пустяки, — отмахнулся Е Мянью.

Женщины здесь после замужества полжизни зависели от своего приданого. И даже если судьба благосклонна, а семья мужа добра к ней, эти деньги давали ей уверенность и вес в новом доме. Ей эти восемьсот лянов были куда нужнее, чем ему.

На этот раз даже стоявшая рядом Баонянь не выдержала и вздохнула:

— Четвертый молодой господин, вы что, хотите, чтобы в следующем месяце мы все зубы на полку положили? Заглянули бы в шкатулку с деньгами, там же почти ничего не осталось!

— Расходы нашего двора останутся прежними, а деньги я как-нибудь раздобуду. О чем вам беспокоиться? — Е Мянью усмехнулся и добавил: — В будущем я и вас отсюда замуж выдам, так что в обиде никто не останется.

Старшие служанки густо покраснели, а Баонянь в смущении топнула ногой:

— Что за глупости вы городите, четвертый молодой господин!

Пошутив над ними, Е Мянью, однако, и сам призадумался. С возрастом его расходы на подарки и

светские визиты росли, и он постоянно рисковал остаться с пустыми карманами. В прошлый раз, потратившись на подарок матери к юбилею, ему пришлось вытрясти серебро из отца, чтобы залатать дыру в бюджете. Если он пойдет просить снова, отец, конечно, даст, но уж точно не упустит случая прочитать нотацию.

Не успел Е Мянью закончить и половины обеда, мысленно ворча на отца, как Фэнцзинь ввел в комнату Юймина, слугу заместителя министра Е.

Юймин чинно поклонился Е Мянью и взволнованно произнес:

— Четвертый молодой господин, внезапно прибыл князь Жуннань! Сейчас он в главном зале, господин принимает его и велел мне позвать вас.

Е Мянью поперхнулся овощным супом и отчаянно закашлялся. Служанки бросились хлопать его по спине. Инун, хорошо знавшая Юймина, сердито ткнула в него пальцем:

— Не мог сказать спокойнее, обязательно нужно было врываться сломя голову? Не видишь, четвертый молодой господин ел! Неужели ты и перед господином так прислуживаешь?!

Юймин испуганно покрылся холодным потом.

Откашлявшись, Е Мянью хрипло проговорил:

— Ничего, он не виноват.

Даже если бы во рту не было супа, он все равно подавился бы собственной слюной от такой новости. Зачем этот человек пришел? Сводить счета? Е Мянью мысленно клял себя за нерешительность. Нужно было еще раньше пойти и постучаться в ворота резиденции принцессы, а теперь, когда к нему явились сами, он оказался в крайне невыгодном положении.

Е Мянью велел Баонянь поправить ему одежду и направился в главный зал.

Когда он вошел, Чжуан Сюй в просторном темно-синем халате сидел на почетном месте и пил чай с бесстрастным лицом. Его отец, напротив, расплывался в заискивающей улыбке, что-то ему рассказывая.

Е Мянью быстро прошел внутрь. Заместитель министра Е нахмурился и тихо отчитал его:

— Куда ты так торопишься? Шагаешь невесть как, только людей смешишь.

Е Мянью тут же замер на месте. Но Чжуан Сюй поднялся и с редкой для него учтивостью произнес:

— Я прибыл без предупреждения, так как хотел переговорить с вашим сыном. Не смею больше беспокоить вас, заместитель министра Е.

Заместитель министра Е, оказавшись в роли хозяина, которого «выпроваживает» гость, на мгновение опешил, но тут же с улыбкой спохватился:

— Хорошо, хорошо. Не знаю, соизволил ли откусать князь Жуннань в столь поздний час? Может быть, позже...

— Пусть идет ко мне, — поспешно перебил Е Мянью. — Я как раз обедал, и на кухне приготовили осенних крабов. Хотя они и не дорогие, но сейчас для них самый сезон — свежие

и очень жирные.

— Превосходно, — отозвался Чжуан Сюй. Кивнув заместителю министра Е, он легким движением головы указал Е Мянью вести дорогу.

Сам не зная почему, Е Мянью почувствовал неловкость. Не смея взглянуть на отца, он с опущенной головой вывел Чжуан Сюя из главного зала.

Заместитель министра Е проводил их взглядом. Когда их фигуры скрылись за каменной ширмой-отражателем, он вдруг нахмурился и приказал стоявшему рядом Юймину:

— Ступай, пошли кого-нибудь к старшей молодой госпоже. Узнай, присылал ли сегодня старший молодой господин письмо и написал ли, когда возвращается.

Юймин поспешно кивнул и побежал выполнять поручение.

Е Мянью привел Чжуан Сюя прямым на веранду баося во дворе Баофэн и велел немедленно накрыть новый стол. Ицуй, не смея мешкать, лично отправилась на кухню следить за приготовлением блюд. Инун с другими служанками заново разложила на веранде баося благовония от мошкеры и зажгла еще несколько светильников. Только после этого, повинувшись приказу Е Мянью, они отошли и встали поодаль, ожидая распоряжений.

Оба молчали. Е Мянью не знал, о чем думает Чжуан Сюй, но сам изо всех сил пытался выиграть время, мысленно прокручивая варианты разговора, чтобы с самого начала завладеть инициативой.

Пока в голове Е Мянью вихрем кружились мысли, его руки не праздновали лени: взяв изящную серебряную лопаточку, он принялся аккуратно отделять крабовое мясо от панциря.

Чжуан Сюй, слегка наклонив голову, не отрываясь следил за его руками. Золотистые округлые панцири самок краба выгодно подчеркивали белизну пальцев Е Мянью, которые казались высеченными из нефрита. Движения его были на редкость ловкими: вскоре нежное белое мясо и золотистая икра были разложены по двум маленьким тарелочкам под зеленой глазурью.

Чжуан Сюй невольно удивился. Когда этот парень обедал у него, то даже самые любимые блюда ленился взять, если они стояли чуть поодаль. Пока евнух Ся не положит их прямо перед ним, он и бровью не поведет. Отчего же в собственном доме он так искусно справляется с этой работой, подобающей слугам?

Ему и невдомек было, что в прошлой жизни Е Мянью был признанным мастером по разделке крабов и креветок.

Е Мянью налил в блюдце имбирного уксуса и пододвинул тарелочки с мясом и икрой к Чжуан Сюю.

Чжуан Сюй опешил: он никак не ожидал, что доживет до дня, когда этот капризник станет ему прислуживать.

Е Мянью заискивающе улыбнулся, его глаза сощурились, напоминая полумесяцы. В теплом свете свечей они сияли так ярко, что казались прекраснее луны, висевшей за окном в ночном небе.

Чжуан Сюй посмотрел на него и приподнял бровь.

Е Мянью сдавленно рассмеялся:

— Ну же, почему не ешь? Братец...

В это слово «братец» Е Мянью вложил столько сладости, словно насыпал туда щедрую пригоршню сахара.

Выражение лица Чжуан Сюя не изменилось, но он едва заметно отстранился.

Е Мянью подумал: «И чего ты пятишься?»

Видя, что гость не шевелится, Е Мянью решил не упускать инициативу. Он взял Чжуан Сюя за руку и принялся протирать ее лежавшим на столе шелковым платком.

Чжуан Сюй попытался высвободить руку, но Е Мянью крепко ее удерживал. Тщательно протерев каждый пальчик, он наконец отпустил его и сказал:

— Старые люди говорят: «Кто сытно кормит, у того и просить легче». Я ухаживаю за тобой, чтобы тебе было приятно погостить у меня. А когда соберешься уходить, я велю собрать тебе с собой целую корзину отличных крабов. Пожалуйста, будь помягче с моим другом. То, что он натворил — неправильно, и я не собираюсь его выгораживать, но прошу тебя, пощади его самолюбие. Договорились?

Чжуан Сюй не ответил прямо, но складка между его бровей разгладилась. Помолчав немного, он спросил:

— Если ты сегодня приходил к моей резиденции, почему не вошел?

Е Мянью налил ему чарку янтарного желтого вина:

— В прошлый раз я тебя разозлил. Боялся, что ты все еще помнишь обиду.

— А теперь не боишься?

— Боюсь.

Чжуан Сюй некоторое время разглядывал его, а потом обронил:

— Вранье.

«Конечно, вранье. Попробуй тронь меня в резиденции заместителя министра — завтра же вся моя семья отправится во дворец жаловаться императору».

Е Мянью ничуть не смутился и с улыбкой спросил:

— Раз ты сам пришел ко мне, значит, больше не сердишься?

— Нет, — честно ответил Чжуан Сюй.

— ...И что мне сделать, чтобы ты перестал сердиться? — глядя на него, поинтересовался Е Мянью.

— А сам как думаешь?

Е Мянь помолчал немного, а затем выдавил:

— В постель я к тебе точно не лягу.

Чжуан Сюй отвернулся и тихо рассмеялся.

<http://bllate.org/book/18289/1753895>